

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 19, Жанр послания

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

Обсуждая пророческий жанр в Ветхом Завете, мы увидели, что ученые часто различают два термина: предсказание и пророчество. Это общий язык, который вы найдете, в частности, в учебниках по герменевтике или библейскому толкованию, чтобы описать, что делает пророческая литература. И обычно ученые подчеркивают тот факт, что пророчества Ветхого Завета – это прежде всего пророчества, или какой бы язык вы ни использовали для описания этого.

То есть пророки в первую очередь озабочены не просто предсказанием будущего или какого-то хода событий, которые произойдут в будущем, хотя они и делают это, но они в первую очередь заинтересованы в провозглашении послания для нынешней ситуации читателя. И мы сказали, что Израиль, когда народ Израиля впадет в идолопоклонство и откажется от своих обязательств по завету с Богом, Бог воздвигнет пророка, чтобы призвать их обратно к верности завету и предупредить их о последствиях несоблюдения завета. подчиняться отношениям завета и даже выносить приговор Израилю, а также другим народам из-за их греховности. Но мы говорили, что пророки занимаются тем, что некоторые студенты называют предсказанием, то есть обещанием, предвидением или предсказанием будущего.

Мы говорили, что иногда нужно различать ближайшее будущее читателей на их горизонтах и более отдаленное будущее, которое будет завершением космоса и Божьим замыслом завершения всего мира, часто известный как эсхатология, вещи, связанные с замыслом Бога относительно конца. Но я также предположил, что нам необходимо осознавать предположения о том, как будет

исполняться пророческий текст, и осознавать разнообразие способов, которыми мы находим исполнение пророческого текста. Иногда мы находим пророческий текст, который в Новом Завете исполняется довольно прямолинейно.

Мы уже немного говорили о цитате из 2-й главы Михея или 5-й главы Михея во 2-й главе Евангелия от Матфея, где пророчество Михея о рождении царского человека в Вифлееме, кажется, исполняется довольно простым образом. С другой стороны, мы видим то, что иногда называют типологическим или аналоговым типом исполнения, когда автор Ветхого Завета не обязательно предсказывает определенное событие в отдаленном будущем, но вместо этого мы находим в ветхозаветном тексте человека, событие или что-то еще. Это повторяется, что-то, что действует как прообраз или образец, который подхватывается и повторяется в большей степени в отношениях Бога со Своим народом в свете исполнения во Христе. Таким образом, убежденность заключается в том, что тот же Бог, который действует, выполняя свои обещания и осуществляя свои цели в Ветхом Завете, аналогичным образом, но в большей степени снова работает над выполнением своих обещаний в рамках спасения Нового Завета, которое начинается с цели. Иисуса Христа.

Итак, опять же, иногда вы находите очень простое удовлетворение, иногда вы находите более аналогичный или типологический тип исполнения. Иногда в связи с этим вы находите в тексте Нового Завета изображение исполнения, которое кажется более духовным, но не в прямом физическом или буквальном смысле, как это изображается в Ветхом Завете. Например, в 15-й главе Деяний мы находим эти слова, где на известном апостольском совете или Иерусалимском совете, где Павел и другие обсуждают вопрос, что требуется язычникам, чтобы стать народом Божиим? Должны ли они подчиняться закону Моисея или нет? И в Деяниях мы находим эту цитату, оправдывающую включение язычников в народ Божий.

Стихи 16, а также 17, которые интригующе представляют собой цитату из 9-й главы и 11-го стиха Амоса Ветхого Завета, которые представляют собой предвосхищение или предсказание восстановления монархии Давида. И теперь обратите внимание, что это цитируется здесь, в 15-й главе Деяний. После этого Я возвращусь и восстановлю упавший шатер Давида, его развалины Я восстановлю и восстановлю его, чтобы остаток людей мог искать Господа и все язычники, носящие имя, говорит Господь, делающий то и известное во веки веков.

Интересно, что автор, кажется, находит исполнение текста Амоса, предвосхищающего восстановление монархии Давида и правления над народами, уже осуществленным в включении язычников в единый народ Божий, ответом с верой Иисусу Христу, Мессии. . Теперь возможно, будет ли это иметь еще одно исполнение, более строго физическое в будущем. Но дело в том, что авторы Нового Завета часто находят упоминания о восстановлении национального Израиля и монархии Давида с царем, правящим ими, и обнаруживают, что эти пророчества часто исполняются при первом пришествии Христа и Его народа, церкви.

Еще одна особенность исполнения, когда вы рассматриваете, как тексты Ветхого Завета перехватываются в Новом Завете, о которой следует помнить, иногда вы найдете тексты, которые получают исполнение как при первом пришествии Христа, так и при втором пришествии Христа. То есть некоторые тексты Ветхого Завета, предвосхищающие будущее исполнение, исполняются, как мне кажется, в два этапа, которые соответствуют первому и второму пришествию Иисуса. То есть при первом пришествии Христа Иисус открывает исполнение, но при втором пришествии Он завершает его.

И это заключено в новозаветном понимании исполнения Ветхого Завета или новозаветном понимании эсхатологии. То есть то, что Ветхий Завет часто предвосхищал как заключительное решающее событие, которое завершит нынешнюю эпоху и откроет совершенно новую эпоху, это событие в Новом Завете часто рассматривается как разделенное на две части. Одна часть соответствует первому пришествию Христа, которое его открывает, вторая часть соответствует завершению, второму пришествию Христа, которое завершает его.

Поэтому иногда нужно осознавать, что пророческие тексты найдут исполнение и в первое пришествие Христа, и во второе пришествие Христа. И последнее, что следует сказать о пророческой литературе с точки зрения исполнения, особенно когда мы склонны размышлять о том, как что-то будет исполнено или являются ли определенные события в наше время исполнением пророческих текстов Ветхого Завета, и насколько мы близки к пророческим текстам Ветхого Завета. Если положить конец подобным спекуляциям, считаю ли я поучительным отметить, как произошло исполнение при первом пришествии Иисуса Христа и как разные люди отреагировали на это, в частности, как иудейские лидеры обнаружили, что фактически отвергли Христа, потому что они не были готовы к и при этом они не увидели исполнения пророчества так, как они ожидали. Таким образом, это почти как если бы при первом пришествии Иисуса Христа мы обнаружили, что пророчество исполняется очень неожиданным образом, и мне интересно, если в некоторых отношениях это не дает модели или, по крайней мере, возможности того, что Бог мог исполнить вещи неожиданным образом в будущем, во время его второго пришествия, что заставляет нас быть очень осторожными и избегать спекуляций относительно того, как это будет исполнено, а также где именно, когда и как это будет выглядеть так же, как Бог выполнил свои обещания и исполнил Пророчества Ветхого Завета очень неожиданным образом при первом пришествии Христа открывают для него

возможность, так как у некоторых есть некоторые хитрости в рукаве и все еще есть некоторые секреты, или все еще исполняются вещи очень неожиданным, но все еще в явном исполнении. и соответствует обещаниям и пророчествам, которые он дал.

Поэтому помните о разнообразии типов исполнения при переходе от Ветхого Завета к Новому. Очевидно, я думаю, что можно добавить еще один тип, а именно: некоторые пророчества, кажется, находят исполнение только в эсхатологическом завершении. Некоторые пророчества о суде и растворении вселенной в суде и создании совершенно новой вселенной, совершенно нового космоса, некоторые из этих пророчеств, кажется, находят свое исполнение исключительно в эсхатологическом завершении.

Но помните о разнообразии типов исполнения, которое можно найти в текстах Ветхого Завета. Наконец, последнее, что следует сказать о пророческой литературе и толковании пророческого текста, — это признать, что основная функция и цель пророческого текста — это ободрение и предупреждение или ободрение и призыв к святой жизни. Основная цель пророческих текстов Ветхого Завета — не предсказание будущего, поскольку мы говорили, что они не просто заглядывают в хрустальный шар, чтобы увидеть, что готовит будущее.

Но вместо этого пророческие тексты предназначены в первую очередь для того, чтобы ободрить народ Божий, который переживает трудные времена, или предостеречь тех, кто испытывает искушение сбиться с пути, а также воодушевить и предостеречь народ Божий вести святую жизнь. И любая интерпретация пророческой литературы, которая не начинается с этого, изначально ошибочна. Но вместо этого нам следует читать пророческую литературу прежде всего как постоянное ободрение и призыв Бога к Своему народу подчиняться Ему, чего бы это ни стоило.

Итак, мы рассмотрели лишь несколько литературных типов Ветхого Завета, и можно сказать гораздо больше. Мы не говорили о повествовании, потому что кратко говорили о некоторых приемах повествования и приемах повествования, подвергающихся нарративной критике. Можно еще многое сказать.

Мы очень кратко коснулись поэзии и поэтического типа литературы. Мы рассмотрели юридический закон, закон Израиля, юридическую литературу, а также пророческую литературу, которая составляет основную часть литературных форм или жанров Ветхого Завета. Но сейчас я хочу пойти дальше и рассмотреть также Новый Завет и различные литературные жанры, составляющие документы Нового Завета, еще раз осознавая, что, когда мы читаем Библию, мы не просто читаем монолитный документ, который просто однороден от начала до конца, но мы читаем документ, который, хотя и ясно демонстрирует единство, внутри него существует разнообразие литературных форм и литературных типов.

И иногда я задаюсь вопросом, насколько интересно было бы задать вопрос, если бы Бог сегодня открыл Себя своему народу, какие литературные средства или какие литературные формы это приняло бы. Но в Ветхом Новом Завете Бог открыл себя через очень распространенные и стандартные литературные формы и средства общения того времени. А в Новом Завете я хочу сосредоточиться на трех литературных жанрах, которые в целом составляют Ветхий Завет или, извините, Новый Завет, и эти три жанра являются повествовательными.

Сюда будут включены Евангелия и Деяния, хотя это не обязательно означает, что они идентичны в своих литературных формах. Некоторые могут отличить Евангелия от Деяний, и я не собираюсь тратить много времени на обсуждение

Деяний, но мы поговорим немного о повествовании в целом и о некоторых дополнительных факторах при чтении и интерпретации повествования Нового Завета, особенно Евангелий, в свете это такая литература. И тогда второй литературной формой или литературным жанром, который можно найти в Новом Завете, будет письмо или послание, которое, наряду с Евангелиями и повествовательной литературой, Евангелия и Деяния составляют большую часть остальной части Нового Завета. в форме посланий Павла или писем Павла.

И, наконец, Книга Откровения, Апокалипсис, которая сама по себе является своего рода уникальной литературной формой, поскольку на самом деле она представляет собой комбинацию двух или трех литературных типов, и это вызывает или поднимает ряд вопросов относительно того, какая разница в этом имеет значение. в том, как мы это читаем. Но прежде чем перейти к другому вопросу, о сходстве Ветхого Завета скажем, что даже если у нас могут быть аналогии с некоторыми из этих литературных форм, такими как повествовательные или эпистолярные литературные письма, в то же время мы не можем быть уверены, что нам следует читать их точно так же, как мы читали бы наши письма, рассказы или рассказы в первом веке. Таким образом, существует достаточно сходств, которые позволяют понять, что происходит, но нам также необходимо разобраться с некоторыми различиями между древним повествованием и современной биографией или древним посланием, а также тем, что оно делало и как оно было составлено в сравнение с современным письмом.

Итак, начиная еще раз с Евангелий, я хочу лишь сделать несколько кратких комментариев по поводу дополнительных комментариев по толкованию Евангелий. Мы немного поговорили о нарративных подходах в рамках нарративной критики и литературной критики, таких как рассмотрение

характеристик, сюжета, структуры и т. д., а также раскрытие исторического фона, а также исторических и культурных отсылок в тексте.

Поэтому я не буду повторять этот материал, но хочу выйти за рамки этого и просто рассмотреть некоторые дополнительные особенности понимания повествования Нового Завета, особенно Евангелий. И одна из особенностей Евангелий заключается в том, что определение литературного жанра Евангелий часто связано с вопросами, касающимися историчности. То есть иногда Евангелия часто относили к определенному типу литературного жанра, который был вымышленным и иногда имел последствия и разветвления для историчности Евангелия, где авторы Евангелий интересовались главным образом только богословием.

Мы уже немного говорили о дизъюнкции истории богословия. Означает ли тогда отнесение Евангелий к определенной литературной форме, особенно художественной, что авторы Евангелий не пишут достоверную историю или вообще не заинтересованы в написании истории? Поэтому иногда идентификация жанра Евангелия связана с вопросами историчности Евангелий. Позвольте мне сделать лишь несколько комментариев, касающихся Евангелий и повествовательной литературы Нового Завета.

Прежде всего, мне кажется, что одним из самых распространенных, как мне кажется, наиболее распространенных отождествлений Евангелий является греко-римская биография первого века. И я думаю, что было несколько ученых, которые были более склонны идентифицировать себя как некую форму греко-римской биографии первого века, следуя ее условностям и общаясь с помощью средств, которые могли бы передаваться в греко-римской биографии первого века. Но в то же время очевидно, что автор пытается донести свой богословский взгляд на личность Иисуса Христа и на жизнь Христа.

Так что, возможно, лучше было бы классифицировать Евангелия как теологическую биографию. И одним из следствий определения, я думаю, Евангелий или даже Деяний как богословской биографии, очевидно, является необходимость задаться вопросом, какова богословская цель, а не просто то, что оно говорит исторически о жизни Христа, хотя это важно. Но также нужно понимать, что авторы не просто пишут какую-то историческую хронику того, что Иисус делал и говорил.

Но у них есть богословский мотив. Они пытаются передать богословское послание, и нужно попытаться раскрыть это с помощью таких вещей, как редакционная критика. Мы говорили о том, как авторы оформляют и редактируют свой материал, особенно по сравнению с другими авторами Евангелий.

Что это говорит о богословских намерениях Матфея Марка, Луки или Иоанна в том, как они изображают Христа? Несмотря на то, что все еще очевидно, хотя все еще признается укорененность этого в истории, гармонизация Евангелий в некоторой степени является достойной целью, поскольку она пытается установить, что, что произошло, каковы были исторические события, в которых события из жизни Христа были повествованием. писателей Евангелий были укоренены. Таким образом, необходимо раскрыть богословский замысел Евангелий, а также, я думаю, еще быть в состоянии исторически реконструировать то, что происходило.

Но помимо этого следует также подумать и о абзацах, которые мы увидим немного позже, а также о том, что за пределами речей Евангелия, как мне кажется, не строятся на столь тесно связанных аргументах от предложения к предложению или или или пункт к пункту. Но многое зависит от различных

функций рассказов и абзацев. Поэтому я думаю, что особенно в отношении Евангелий следует думать больше на уровне абзацев.

Как абзацы разных историй соотносятся друг с другом. Но во время выступлений иногда, вероятно, немного важнее следить за логикой и аргументацией в речи. Как я уже сказал, я также считаю, что по сравнению с другими Евангелиями нужно читать каждое Евангелие, чтобы задаться вопросом, в чем их особый и уникальный вклад в жизнь и учение Иисуса Христа.

Итак, как я только что сказал в предыдущем пункте, хотя это биографии, они составлены таким образом, чтобы передать уникальную богословскую точку зрения автора. Поэтому нам нужно читать текст и Евангелия в сравнении с другими, чтобы увидеть и осознать, в чем состоит уникальный вклад этого писателя в жизнь Христа. Какова их уникальная точка зрения.

Меня интригует тот факт, что в каноне Нового Завета осталось четыре Евангелия. Почему в церкви не было одного официального Евангелия и жизни Христа. На самом деле есть человек, который пытался это сделать в документе под названием «Диатессарон».

Человек по имени Татиан в первые века существования церкви (первые несколько веков существования церкви) пытался объединить Евангелия, начиная с Иоанна, которое, что интересно, сегодня большинство, особенно нехристианских ученых, считает наиболее исторически ненадежным. Но он начал с Иоанна и попытался составить одно житие Христа или одно Евангелие. Интересно, что церковь так и не прижилась, и церковь позволила существовать четырем различным Евангелиям.

Поэтому я думаю, что нам нужно почтить это и спросить, каковы четыре различных вклада Евангелий. Прежде чем мы попытаемся гармонизировать их и объединить в одно Евангелие, гармонизация важна для понимания целостности Евангелий и понимания исторических событий, стоящих за ними. Но перед этим нам нужно позволить разным Евангелиям позволить своему голосу говорить внутри канона о разнообразии подходов к жизни Христа.

Еще два, я думаю, значения жанра Евангелий, которые, как мне кажется, более непосредственно связаны с интерпретацией, заключаются, прежде всего, в том, что когда мы читаем рассказы о жизни и высказываниях Иисуса Христа, записанные в Евангелиях, нам нужно признать, что они избирательны. То есть авторы Евангелий не дают нам исчерпывающего описания жизни Христа или исчерпывающего описания всего, что Иисус делал и говорил. На самом деле, если вы дойдёте до самого конца Евангелия от Иоанна, в 20-й главе, он на самом деле говорит прямо противоположное.

Фактически он почти выражает разочарование тем, что ни один документ не может когда-либо надеяться отразить все, что сказал и сделал Иисус. Но из всего массива информации о жизни и учении Христа, которым располагали авторы, они выбрали те, которые теологически передали то, что они пытались сказать о Христе, а также о жизни и учениях Иисуса. И тогда четыре разных Евангелия предоставляют взаимодополняющие взгляды на жизнь Христа.

Связанные с этим не только избирательны, но часто авторы Евангелий не располагают Евангелия в хронологическом порядке. Да, существует приблизительная хронология от рождения Христа до его ранней жизни и служения, приведшего к его смерти и воскресению. Итак, существует приблизительная хронология, а иногда авторы Евангелий ясно дают понять, что они располагают другой материал в хронологическом порядке.

Но, похоже, бывают и другие случаи, когда авторы Евангелий больше заинтересованы в расположении материала тематически или логически, а не хронологически. Мы видели это на примере 8-й и 9-й глав Евангелия от Матфея, которые кажутся собранием чудесных историй, совершенных Иисусом, которые могли произойти не в таком порядке или не все одновременно. И опять-таки нет никакой трудности в том, что, если сам Матфей не утверждает, что говорит, то это именно тот порядок, в котором они происходят или в котором они действительно произошли.

И это именно то время в жизни Христа, когда произошли все эти события. Вместо этого у Матфея может быть больше тематический интерес, просто собирая истории, свидетельствующие о могущественных действиях Бога через Иисуса Христа в этих различных чудесах. Или, например, во 2-й и 3-й главах Марка или в разделах большей части 2-й и 3-й главы Марка мы находим серию спорных историй между Иисусом и иудейскими лидерами, которые снова наводят на мысль, что, возможно, главы 2 и 3 Марка не расположены в хронологическом порядке, поскольку эти все произошло сразу друг за другом.

Но, опять же, возможно, Марк расположил вещи более тематически, в соответствии с различными формами. Он взял несколько противоречивых историй и собрал их все в одном месте. Таким образом, авторы Евангелий иногда могут писать больше систематизирующего материала по тематике, а не все время строго по хронологии.

Иногда они очень избирательны в том, что включают. И снова вы можете убедиться в этом, сравнив Матфея Марка и Луку: очевидно, что у каждого из этих авторов Евангелий, особенно у Матфея и Марка или Матфея и Луки, есть материал, которого вы не найдете у Марка. И у Мэтью, и у Люка есть

уникальный материал, которого нет друг в друге, потому что они опять же избирательны.

Они не дают вам исчерпывающего описания всего, что говорил и делал Иисус, а избирательно доносят свою богословскую точку зрения. И это было уместно в греко-римской биографии первого века. Вот как ты написал.

Последний принцип, связанный с толкованием Евангелий, на который мы также ссылались, заключается в том, чтобы признать, особенно когда речь идет о речах Иисуса или даже речах персонажей книги Деяний, что иногда мы обнаруживаем, что я Я часто говорю, что мы находим краткое изложение точного и адекватного изложения того, что сказал человек, а не дословное изложение всего, что на самом деле сказал автор. Вероятно, бывают случаи, когда авторы фиксируют, по крайней мере, в греческом переводе, формулировку того, что сказал Иисус, но в других случаях в биографиях первого века было вполне уместно и стандартной практикой не записывать точную формулировку того, что сказал автор, а излагать суть. или кратко изложить то, что сказал Иисус. И пока это резюме точно и адекватно отражало смысл и цель того, что пытался донести автор, оно было вполне приемлемым и вполне уместным.

В нашем современном мире, где нас больше интересуют цитаты, где нас интересуют дословные отчеты, где мы начинаем и заканчиваем чью-то речь или даже что-то, что мы вытащили из другого документа и заключили это в кавычки, чтобы показать что мы не изменили ни одной формулировки, на самом деле кавычки не были особенностью записи речи первого века. На самом деле, опять же, кавычки, которые вы видите в своих английских переводах, не должны были присутствовать в оригинальном греческом тексте, а просто предназначены для того, чтобы показать вам, что авторы Евангелий записывают или передают речь

кого-то другого. Но опять же, чтобы признать, что они не делают этого, давая вам слово в слово, подробно рассказывая обо всем.

Если бы это было так, я бы подозревал, что документы Нового Завета, особенно Евангелия, были бы в 50, 60, 70 раз длиннее, чем они есть на самом деле, или даже длиннее. Мы уже ссылались, например, на Нагорную проповедь. Если вы сядете и прочтаете Нагорную проповедь в хорошем английском переводе, я предполагаю, что вам понадобится 10, 15 минут, может быть, чтобы ее прочитать, и мы сказали, что сомнительно, что Иисус говорил только 10 или 15 минут, но, вероятно, его проповедь продолжалось некоторое время.

Но пока Нагорная проповедь является точным и адекватным представлением и изложением того, что сказал Иисус, тогда не возникает никаких трудностей. Это было бы вполне приемлемо и признано точным и действительным в первом веке. Поэтому, когда мы читаем Евангелия, особенно повествовательные, нам нужно помнить, что это за литература, а тип литературы — это то, что она говорит о своей историчности, что она говорит о способе богословского общения и о том, что значит ее изучение. понять богословский замысел авторов и понять, как они сообщают о событиях из жизни Христа и как они передают речь.

Следующий тип литературы Нового Завета, который мы кратко обсудим, — это эпистолярная литература или послания Нового Завета. Однако это следующее, наряду с повествованием, повествование не такое уж и большое. Иногда я удивляюсь, что в наш век, в наш технологический век, можно так быстро получать текстовые сообщения в очень короткой загадочной форме и даже электронную почту и т. д. и т. д., что мы все больше и больше видим нашу неспособность сесть, послушать историю и переварить длинную историю.

Но вне повествования, вероятно, литературной формой Нового Завета, с которой мы наиболее знакомы или с которой у нас есть самые близкие аналогии, являются письма или послания. Письма и послания были очень распространенным средством общения в первом веке. Практически любая информация, любой тип информации, практически что угодно может быть передано в форме послания или письма, и я не собираюсь различать эти два понятия.

Хотя в прошлом письма и послания часто различали, я не буду различать эти два понятия. Но через послание можно было сообщить практически всё. Это было очень удобное средство связи.

Более того, послание часто заменяло присутствие автора. То есть, когда автор был отделен от своих читателей расстоянием, послание было способом преодолеть этот разрыв. Это было лучшее, что могло случиться с человеком, который действительно был там.

Оно было призвано преодолеть дистанцию между автором и его читателями. Поэтому письмо с помощью послания было очень распространенным способом общения. Некоторые видели в посланиях более прямое средство общения, более дидактический способ общения, в отличие от поэтического и метафорического типа общения.

Но в то же время важно понимать, что даже в посланиях мы часто встречаем образное употребление языка. Мы находим поэтический тип речи или использование стихов. Иногда вы встретите метафорический тип языка.

Поэтому нам не следует читать всю книгу просто как лишенную художественности или рассматривать ее как простой, буквальный способ

общения. Хотя, опять же, в большей степени, чем поэзия и другие виды литературы, она коммуницирует в более прямой и прозаической манере. Однако нам по-прежнему необходимо обращать внимание на художественность, а иногда и на поэтическое или даже метафорическое использование языка в посланиях.

Одна из наиболее важных особенностей посланий, которую практически каждый признает и на которую обычно указывает при обсуждении посланий, — это то, что известно как их окказиональный характер. То есть послания написаны в ответ на вполне конкретные ситуации и вполне конкретные случаи. То есть пишутся проблемы, конкретные проблемы.

Для наших целей мы рассматриваем проблемы первого века, когда церковь начинает распространяться, утверждается и противостоит миру и другим учениям. Письма Нового Завета носят случайный характер, поскольку они написаны как конкретные ответы на эти проблемы. То есть письма — это не просто абстрактное богословие, выраженное в формате письма.

Павел, Петр или кто-то еще не просто сели и написали богословский сборник своих мыслей, а затем приложили введение и заключение в форме письма. Вместо этого письма можно рассматривать как более пастырское или практическое богословие. То есть богословие адресовано конкретным обстоятельствам и ситуациям.

То есть авторы Нового Завета не записывают все, что думают по каждой богословской теме, а просто, в свете своего богословия, отвечают богословски. Их богословие разрабатывается в тексте или представлено в тексте в ответ на конкретные вопросы и конкретные проблемы. Так что да, послания очень богословские, но, опять же, нам не следует ожидать найти что-то вроде

систематического богословия, а вместо этого нам следует найти скорее пастырское богословие.

Богословие в ответ на очень конкретные проблемы в церкви. В таком случае это означает, что мы должны попытаться реконструировать ситуацию, которая породила написание посланий, так что, если вы имеете дело с одним из посланий Павла, например, с Посланием к Галатам, вам нужно иметь некоторое представление об обстоятельствах. Это ускорило написание письма. Вам необходимо в какой-то степени понять причину, по которой появилось это письмо.

Таким образом, это возвращает нас к исторической критике. То есть понимание исторических обстоятельств, которые лежат в основе документов. Исторические обстоятельства, породившие их.

И это, безусловно, верно в отношении писем, потому что они случайны. То есть Павел просто не сел и не решил написать письмо. Он так и сделал, но сел и решил написать письмо, потому что была конкретная проблема, о которой ему сообщили, и которая заставила его написать.

Так, например, если вы возьмете в руки такой документ, как Первое Послание к Коринфянам, вам нужно разобраться с рядом вопросов или серией проблем. Какие проблемы, с которыми столкнулась церковь в городе Коринфе первого века, побудили Павла включить всю различную информацию, которую он сделал? Когда вы читаете Первое Послание к Коринфянам, кажется, что Павел затрагивает ряд тем. Фактически, книга ясно говорит нам, что после того, как Павел покинул церковь и основал церковь в Коринфе, возник ряд проблем.

А после его ухода возник ряд проблем, о которых, во-первых, Павлу стало известно из уст в уста. Кто-то устно сообщил ему о некоторых проблемах. Но во-вторых, похоже, что сами коринфяне отправили Павлу письмо, в котором выделили ряд проблем.

Итак, письмо Павла к Коринфянам, которое мы называем Первым посланием к Коринфянам, на самом деле поднимает те вопросы, о которых он узнал из уст в уста и из письма из Коринфа, и занимается ими. Трудность состоит в том, чтобы попытаться реконструировать, в чем именно заключались проблемы и что их вызвало, чтобы помочь нам более полно понять реакцию Павла на эти проблемы. Поэтому нам надлежит в некоторой степени реконструировать ситуацию, которая породила написание посланий Павла, ситуацию в целом или ситуацию, стоящую за конкретными проблемами, с которыми Павел мог столкнуться.

Ученые часто называют это зеркалом чтения букв. То есть буквы рассматриваются как своего рода зеркало, отражающее породившую его ситуацию. Другими словами, все, что у нас есть, единственный доступ к ситуации — это сама реакция.

И поэтому мы пытаемся найти отражение в этом или отражение в этом. Мы пытаемся прочитать само письмо, какие могли быть обстоятельства, которые стояли за его написанием. И очевидно, что с таким подходом, безусловно, есть трудности, но в каком-то смысле это необходимо, потому что, опять же, единственный доступ к проблеме галатийского сообщества, который у нас есть, — это сама книга Послание к Галатам.

Таким образом, зеркальное чтение — это попытка как бы основываясь на чтении самого письма и подсказок из письма, чтобы попытаться

реконструировать, какова, скорее всего, была ситуация, стоящая за письмами Павла или другого Нового Завета, Первого Петра, Первого Иоанна или чего-то еще. На самом деле существуют две аналогии, которые могут оказаться полезными для понимания посланий Нового Завета, и, возможно, они несовершенно. Это две аналогии, которые я часто встречал в герменевтических учебниках или при обсуждении посланий Павла, и иногда буду использовать их в мои занятия. Один из них – чтение писем Нового Завета – можно сравнить с чтением чужой почты, или, точнее сегодня, с чтением чужой электронной почты.

Поэтому, если у меня есть доступ к чужому компьютеру и я вижу одно из его электронных писем на экране, я могу прочитать это, не понимая предыдущий диалог или предыдущие электронные письма, не понимая, кто этот человек, которому он пишет по электронной почте, и какова ситуация, в которой он находится. привело к обмену сообщениями по электронной почте, и какие проблемы решаются, мне, возможно, будет трудно читать это письмо. То же самое относится и к письмам Павла. Мы читаем документы, адресованные кому-то другому, и поэтому нам нужно постараться максимально, и как можно яснее, и как можно полнее восстановить ту подоплеку, которая к этому привела.

Кто читатели? В чем заключался кризис? Какая проблема заставила Павла сесть и написать это письмо, и как это письмо было ответом на эти проблемы? Другая аналогия, которую я часто использую, — это прослушивание одного конца телефонного разговора. Это все равно что слушать, как говорит кто-то другой, и все, к чему у вас есть доступ, — это человек, которого вы слышите. Вы не знаете, что происходит на другом конце провода.

Вы не знаете, с кем они разговаривают. Вы не знаете ни проблемы, ни предыдущих обменов, которые у них были. Вы не знаете, в чем проблема, из-за

которой один из них позвонил другому, в первую очередь, в чем проблема, из-за которой произошел телефонный разговор.

И, что интересно, иногда, слушая чей-то разговор, вы можете понять, кто может быть на другом конце провода, и о чем он может говорить, и о какой проблеме, и о какой проблеме, и даже о том, кем может быть другой человек. сказав в ответ. Итак, эти две аналогии могут быть полезны для понимания окказиональной природы, того, что ученые называют окказиональной природой писем или посланий. То есть они были адресованы совершенно конкретным случаям или очень конкретным обстоятельствам.

Итак, одной из основных целей или основных особенностей процесса интерпретации, когда дело касается писем, является способность реконструировать в некоторой степени то, что, скорее всего, было обстоятельством, поводом, вопросами или проблемами, которые породили это письмо. . И мы уже приводили пару примеров в рамках исторической реконструкции или исторической критики. Что касается, опять же, мы рассмотрели, например, Послание к Колоссянам, перенастроив, прежде всего, действительно ли Послание к Колоссянам обращается, например, к конкретному лжеучению.

А если и было, то какова была природа этого лжеучения? И я кратко изложил то, что, по моему мнению, это могло бы быть, но, конечно, то, как вы понимаете и читаете Послание к Колоссянам, в некотором отношении будет зависеть от того, как вы ответите на эти вопросы. Таким образом, документы Нового Завета представляют собой не просто богословские размышления автора на различные богословские темы или сборник богословских убеждений автора, но скорее практическое или пастырское богословие, богословские ответы на различные проблемы и трудности первого Завета. церковь века. Еще одна вещь, которую

следует упомянуть о написании писем, к которой мы вернемся и кратко обсудим ее в связи с авторством, — это признать, что частый способ написания писем в первом веке был, был повсеместен или просто был бы очень популярен. Практически каждому было доступно использование помощников или своего рода секретарей.

Это своего рода раскрытие очень человеческого фактора создания Священных Писаний, но большинство, большинство писателей первого века воспользовались бы услугами секретаря. То есть очень редко человек садился и писал письмо сам, но часто он в некоторой степени диктовал его секретарю или писцу, и этот писец затем писал то, что ему велели сказать. Вы действительно видите, что это ясно отражено в самом конце Послания к Римлянам.

Глава Послания к Римлянам, когда вы читаете Послание к Римлянам, она звучит как любое другое послание Павла, которое он пишет, но когда вы доходите до 22-го стиха 16-й главы Послания к Римлянам, самого конца, где вы видите серию приветствий, которые вы можете найти в любом другом послании. другое письмо Павла, и оно снова было довольно типичным для письма первого века. В 22-м стихе 16-й главы Послания к Римлянам вы находите: я, Терций, записавший это письмо, приветствую вас в Господе. Таким образом, Терций, вероятно, был секретарем Павла, или его писцом, которому он продиктовал письмо римлянам.

А теперь сам Терций в 22 стихе как бы добавляет к письму свой комментарий, приветствуя читателей. Двигаясь дальше, отметим еще один аспект писем первого века, о котором вам нужно знать, — это эпистолярную структуру. То есть как составлялись письма первого века? Прежде чем мы рассмотрим это, следует осознать одну вещь: одно из различий, по крайней мере, насколько я

могу судить, между письмами Павла в частности и даже Павлом, даже письмами Петра, например, и письмами первого века, было бы длина.

Большинство имеющихся у нас писем первого века, копии или, как вы знаете, письма на папирусах, были намного короче по длине. В частности, в посланиях Павла есть одно из отличий: они кажутся намного длиннее, чем типичные послания первого века. По объему послание Филимону, возможно, ближе к многим посланиям первого века.

Однако типичная, типичная эпистолярная структура может включать большинство из следующих пяти элементов. Номер один — это введение или приветствие, когда автор начинает письмо с приветствия, идентифицируя себя и своих читателей. И так, X к Y, где X — автор, автор письма, Y — получатели, а затем выражение приветствия, которое часто авторы Нового Завета расширяют не просто до приветствия, но до благодати и мира вам от Господа нашего Иисуса Христа. , или что-то вроде того.

Очень часто они расширяют представление и приветствие. Обычно за вступлением следовал благодарственный пункт, или период благодарения, или раздел, где автор иногда благодарил греко-римских богов, например, за здоровье получателя или что-то в этом роде. И, очевидно, у авторов Нового Завета, особенно у Павла, вы обнаружите, что он благодарит Бога Библии за определенные вещи по отношению к читателю.

Итак, введение или приветствие, за которым следует благодарение. Обычно затем следует тело письма, которое является основной причиной написания и передает основное содержание. По крайней мере, в письмах Павла за этим часто следует то, что часто называют паранасис, или раздел наставлений, основанный на основной информации, содержащейся в теле.

Это повеления и призывы к святой жизни, основанные на том, что Бог сделал для Своего народа через Иисуса Христа. И затем вы обычно обнаруживаете, что за этим следует заключительное прощание, а иногда и приветствие определенных лиц, как мы видели в 16-й главе Послания к Римлянам. Например, если вы посмотрите на Послание к Ефессянам, как один из примеров, вы найдете это довольно внимательно следуя этому формату.

Например, главы 1, 1 и 2, а также стихи 1 и 2 Послания к Ефессянам представляют собой введение и приветствие, где Павел в типичных форматах, как и Павел, обычно расширяет эти элементы, Павел, апостол Иисуса Христа, чтобы церкви, или святым, верным в Ефесе, благодать и мир вам от Господа нашего Иисуса Христа, что-то в этом роде. Главы с 1 и 3 по 23 соответствуют Дню благодарения. Хотя Павел делает немного другое в Послании к Ефессянам, где в самом начале он включает нечто, благословение, что соответствует еврейскому барака, или благословению.

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, потому что Он сотворил все это. Но затем это сливается с благодарением Павла, в котором он благодарит Бога за определенные аспекты жизни своих читателей. Далее, возможно, во второй главе и в первом стихе, временами бывает сложно, иногда в некоторых посланиях Павла трудно определить, где именно начинается тело.

Послание к Колоссянам, я думаю, является хорошим примером, где неясно, когда Павел из благодарения слился с телом. Иногда мне кажется, что он просто это делает, и не обязательно, знаете ли, у него есть четкий переход. Но, возможно, глава 2 и стих 1, глава 3 и стих 21 Послания к Ефессянам могли бы стать основной частью, главной причиной написания, где он напоминает своим

читателям обо всем, что они имеют, и обо всем, чем они являются в силу своего отождествления с Иисусом Христом.

За паранасисом , или разделом увещаний, следуют повеления и повеления, содержащиеся в первом стихе главы 4, в главе 6 и стихе 20. 620 завершает этот раздел духовной войны, который является своего рода завершением всего раздела увещаний в письмо. И, наконец, стихи с 21 по 24 6-й главы Послания к Ефесянам станут заключительным прощанием, которое будет следовать довольно стандартному способу завершения письма первого века.

Поэтому , если вы прочтаете большинство писем Павла, включая письма Петра, а также Иакова, иногда кажется, что в них отсутствуют некоторые, как мы могли бы подумать, некоторые черты типичного греко-римского письма. В письме Иакова нет конкретного выражения благодарения, и оно не развивается, как послания Павла, где есть своего рода богословская часть, за которой следует увещательная часть. Но большинство букв можно прочитать как образцы типичных греко-римских букв первого века.

Следует упомянуть пару вещей, касающихся влияния, которое это может оказать на интерпретацию: безусловно, полезно отметить, где, если вы интерпретируете стих, где он находится и в каком разделе письма он находится. Но самое важное, мне кажется, во-первых, это когда один из этих элементов расширяется. Нам не следует слишком удивляться, что Павел начинает свое послание к церкви с приветствия или благодати и мира.

Это не должно нас сильно шокировать, возможно, это не так уж важно. Но когда он расширяет это, когда мы видим, что он развивает и расширяет типичную эпистолярную формулу, это может иметь значение в чем-то, на что вы захотите смотреть и обратить внимание. Поэтому обратите внимание на то, где Павел или

кто-то из других авторов берет типичный элемент письма первого века и расширяет его.

Это может сказать нам что-то важное о том, что подчеркивает автор. Другое дело, особенно в посланиях Павла, когда какая-то черта письма первого века отсутствует. Так, например, когда кто-то читает письмо к Галатам, первое, что вы узнаете, читая это письмо, особенно если вы читали другие послания Павла, это то, что в нем отсутствует благодарение.

Итак, это происходит сразу после приветствия, вступления и приветствия, которое Павел интригующе расширяет. Обратите внимание, что в первой главе, в первом стихе, Павел и апостол показывают вам, как расширяются оба этих элемента, но также и недостающие элементы, как это может работать. Обратите внимание, как типичные черты письма первого века расширяются.

Павел, апостол, посланный не от людей и не людьми, но Иисусом Христом и Богом, отцом, воскресившим его из мертвых, и всех братьев со мной в церкви Галатии. Теперь обратите внимание, как расширяется определение Павла как апостола, типичное для его посланий. Он описывает это как не от людей и не от людей, но от Иисуса Христа и Бога-Отца.

Так что Павел, кажется, хочет это подчеркнуть. Фактически, когда вы читаете остальную часть письма, кажется, что это одна из проблем, с которыми ему предстоит разобраться. Кажется, это одна из причин, по которой его оппоненты ставят под сомнение его апостольский авторитет.

И теперь, в самом начале письма, он отмечает ключевую особенность, ключевую тему, которую он будет рассматривать, что его апостольство - это не апостольство через человека, э-э, которое происходит через людей, но то,

которое происходит через божественную власть. . А затем к церквам Галатии, это не удивительно, но обратите внимание на последнее, благодать и мир вам, типичное приветствие Павла, но обратите внимание, как оно расширяется от Бога, нашего Отца и Господа Иисуса Христа, который отдал Себя за грехи наши, чтобы избавить нас от нынешнего лукавого века, по воле Бога и Отца, которому слава во веки веков. Аминь.

И обратите внимание на это длинное расширение, которое, я думаю, является еще одной ключевой особенностью письма. Э-э, Павел хочет продемонстрировать, э-э, или в этот момент Павел предполагает, что его читатели поймут их, осознав тот факт, что они были искуплены и спасены через смерть Христа от нынешнего злого века. В остальной части послания к Галатам Павел собирается поместить ветхозаветный закон в категорию нынешнего лукавого века.

Не то чтобы это плохо или зло, просто дарование закона произошло до Иисуса Христа, в век исполнения и пришествия Святого Духа. Итак, если читатели были спасены от нынешнего злого века, почему они хотят вернуться в него, подчиняясь Моисееву закону, которому эти иудействующие пытаются заставить их подчиниться? Итак, в самом начале Павел как бы привлекает читателей на свою сторону, предвосхищая и доказывая ключевые особенности того, что его апостольская власть исходит не от людей, а от самого Бога и через Иисуса Христа, и что через смерть и воскресение Иисуса Христа. началась новая эра. Его читатели были спасены от нынешнего злого века и, следовательно, перенесены в новый век.

Так почему же они хотят вернуться в старую эпоху, для которой характерной чертой является подчинение и господство закона Моисеева? Итак, Павел уже в каком-то смысле одерживает верх в своих аргументах и предвосхищает важные

особенности своего письма тем, как он расширяет типичное приветствие, ну, или, простите, типичное приветствие первого века. письмо. Итак, если я уделяю внимание тому, как расширяются определенные функции, это может быть важно.

Последний, как мы только что сказали, второй — обращает внимание на то, что удаляется. Обратите внимание, что в стихах между пятым и шестым отсутствует типичный День Благодарения. Шестой стих начинается просто: «Я удивлен, что вы так быстро оставляете того, кто призвал вас благодатью Иисуса Христа».

Не нужно много размышлять, чтобы понять, почему Пол пропустил День Благодарения. Скорее всего он настолько расстроен сложившейся ситуацией. Это настолько срочно, и, возможно, он даже настолько расстроен и удивлен тем, что делают читатели, что ему не за что быть благодарным.

Не то чтобы ему не за что было быть благодарным, но в каком-то смысле, возможно, и ценность выстрела, он просто пропускает День Благодарения там, где читатель мог его ожидать, и прыгает прямо в суть проблемы. Итак, еще раз, обращая внимание на то, как определенные особенности буквы расширяются и развиваются, или когда они отсутствуют, это те моменты, когда вам хочется сесть и сосредоточиться. На следующем занятии мы поговорим еще немного об эпистолярной литературе первого века и о том, как она могла повлиять на то, как мы читаем послания и интерпретируем послания и письма, а затем перейдем к последнему типу или жанру литературы в первом веке. Новый Завет, то есть Апокалипсис или Книга Откровения.